

Журнал "Работница"

№6, Июнь 1963

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Работница": №6, Июнь 1963 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45489-6

В период с 1918 года по 1920 года выпуск издания был временно прекращено, с января 1923 года - возобновилась в Москве. Позже у журнала пропала политическая подоплека и "Работница" стала первым журналом для женщин. Журнал "Работница" обладает особым искренним и доверительным стилем общения с читателем, что обеспечило журналу тираж более 13 миллионов экземпляров.

ISBN 978-5-458-45489-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П Е Р В А Я!

Гордимся тобой, Валя Терешкова, крылатая бесстрашная девушка, наша дорогая космическая «Чайка»!

Гордимся, что ты наша, советская, русская. Ты первая женщина в мире, которая смело взвилась в космос. Спасибо тебе от всех советских людей, от женщин Советской земли. Гордо и радостно было нам, женщинам, услышать твой привет из звездных миров.

И Вам спасибо, Елена Федоровна, старая работница-текстильщица, за дочку Космонавта-Шесть. Кто бы мог подумать, что в июньские дни 1963 года мир услышит звонкий девичий голос Вашей Вали, пролетающей вокруг земного шара на корабле «Восток-6»:

— Я — «Чайка»! Я — «Чайка»!

Простой советский человек, тракторист Владимир Терешков погиб на фронте и не знает, что его дочь прославила Советскую Родину. Но не зря погиб солдат Терешков, за то и воевал с врагами советского народа, чтобы жила и крепла наша Родина. Те-

решков живет в чудесных советских космических кораблях, в подвиге своей дочери.

И славному «Красному Перекопу», комбинату технических тканей, говорим спасибо за Космонавта-Шесть. И всему городу Ярославлю, что передает молодежи свои боевые революционные традиции. Здесь молодая работница Валя Терешкова без отрыва от производства окончила школу рабочей молодежи и заочный текстильный техникум. Здесь она стала комсомольским вожаком. Здесь ее приняли в ряды Ленинской партии коммунистов, здесь выросли ее крылья, которые понесли ее в звездные дали.

Советская Родина-мать воспитала настоящего борца за коммунизм. И Валию мы благодарим за то, что она такая волевая, целеустремленная, красивая душой.

Слава тебе, Космонавт-Шесть! Великолепный подарок сделала ты женщинам всего земного шара и прежде всего, конечно, нам, твоим матерям, твоим сестрам.

Будь счастлива, звездная «Чайка»!

В ЗАЩИТУ ПРАВ ЖЕНЩИНЫ

Зоя МИРОНОВА,

представитель СССР на XVII сессии комиссии по правам женщин
Организации Объединенных Наций

В 1946 году при Организации Объединенных Наций была создана комиссия по защите прав женщин. Она готовит рекомендации и доклады для экономического и социального совета ООН. В комиссии представлено 21 государство, среди них СССР, США, Англия, Франция, Канада, Чехословакия, Польша, Австралия и другие.

В марте этого года в Нью-Йорке проходила XVII сессия этой комиссии. Обсуждались проблемы, волнующие всех женщин мира, в первую очередь вопросы, связанные с борьбой женщин за равноправное положение в обществе, за повышение их роли в общественной и политической жизни.

В последние годы вместе с изменениями в развитии общества возросла роль и активность женщин в решении политических и социальных проблем.

В 97 странах женщинам предоставлены избирательные права. При этом надо отметить, что в Азии и Африке женщины завоевывают равноправие значительно быстрее, нежели это было

на Западе. Только за 1960 год, который вошел в историю как «Год Африки», женщины 17 стран этого континента получили политические права. Это результат завоевания национальной независимости. Вот, например, женщины Туниса. Еще недавно они носили паранджу, их унижали колонизаторы, они были в плену у религии, трепетали перед мужьями. А через три года после получения независимости туниски уже участвуют в выборах в парламент. Впервые в истории этой страны 11 женщин избраны депутатами муниципальных советов и одна — депутатом парламента.

Вместе с тем сессия отметила, что многие женщины еще бесправны. В восьми странах они до сих пор лишены избирательных прав. Это Афганистан, Иордания, Иран, Йемен, Ливия, Саудовская Аравия, Швейцария и Лихтенштейн. В семи странах, в том числе в Иране, Португалии, Сирии, права женщин ограничены. Так, в Гватемале только грамотные женщины могут участвовать в выборах и быть

избранными, а ведь среди женщин этой страны 75 процентов неграмотных. В Бразилии тоже неграмотные женщины не имеют права голоса, а грамотных женщин здесь только половина. И совсем уж бесправны женщины подопечных и несамостоятельных территорий.

Важно, чтобы женщины не только получили избирательные права, но и могли принять практическое участие в государственных и хозяйственных делах, занимали ответственные посты.

Делегаты сессии приводили данные — их не могла опровергнуть делегация США о том, что женщины этой страны фактически отстранены от участия в политической жизни. В конгрессе США прошлого состава было всего 17 женщин, а в нынешнем — и того меньше: 11 женщин.

Мы с большим интересом слушали сообщение представительницы Гвинеи, присутствовавшей здесь в качестве наблюдателя, о работе Всеафриканской федерации женщин. Эта молодая организация, возникшая в июле 1962 года, объединяет сейчас женщин 18 стран Африки и проводит большую работу в молодых независимых африканских государствах.

Много нового рассказала представительница Ганы, первая женщина-судья. Она говорила о том, как активно работают, с каким огромным желанием учатся женщины ее родины. Они занимают ответственные посты в правительстве и государственных учреждениях, деятельно помогают республике в ликвидации неграмотности.

В нашем выступлении мы, делегатки СССР, рассказали об итогах последних выборов в Верховные Советы союзных республик и местные Советы депутатов трудящихся. В Верховном Совете РСФСР 34,4 процента депутатов — женщины, в местных Советах — 41,6 процента. Говорили мы и о том, с каким подъемом готовятся советские женщины к Всемирному конгрессу женщин в Москве.

По инициативе делегаций СССР и Польши сессия комиссии по правам женщин обратилась к экономическому и социальному совету ООН с просьбой предоставить консультативный статус всем международным неправительственным организациям, в том числе и МДФЖ, которой до сих пор в этом статусе отказывалось.

Принята и резолюция о том, чтобы правительства всех стран представляли в ООН каждые два года данные, рассказывающие о фактических правах женщин, о том, имеют ли они на деле возможность занимать посты в правительственных и государственных органах, а также в международных организациях. Эти сведения позволят ООН более конкретно судить на своих предстоящих сессиях об участии женщин в политической жизни своих стран.

Сессия обсуждала также вопросы профессионально-технического образования женщин, участия их в производственном труде, о пенсионном возрасте, правах на пенсию и т. д.

Комиссия рассмотрела материалы о занятости женщин, собранные за много лет Международной организацией труда (МОТ).

Они встретились на 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Слева направо: Полетт В. Ларсон (Гвинея), Луиза Елена Вера Барриос (Венесуэла), Флоренс В. Аддисон (Гана), Бергум Шерин Азиза Ахмед (Пакистан), З. В. Миронова (СССР) — участницы заседания Комитета по социальным, гуманитарным и культурным вопросам

Высокий уровень развития промышленности привел к тому, что женщины составляют треть, а в некоторых странах даже половину всех трудящихся, однако в большинстве капиталистических стран мира их используют на малоквалифицированных работах или в канцеляриях. Есть много профессий, доступ к которым для женщин вообще закрыт.

Особенно трудно приходится женщинам, когда они выходят замуж: во многих странах (например, в Англии, Бельгии) существуют законодательные запреты или ограничения для найма на работу замужних женщин.

В Канаде замужество преграждает путь женщине к постоянной государственной службе и, как общее правило, лишает ее службы в учреждении.

В Бельгии в некоторых отраслях промышленности отстраняют женщин от работы после рождения второго ребенка. На частных предприятиях Голландии, Испании и Италии женщин увольняют с работы сразу же после замужества.

Уже много лет среди женщин высокая безработица. Она заставляет их жить в постоянном страхе за завтрашний день, ставит в униженное положение, лишает возможности применить свои знания и силы.

В Италии все больше женщин эмигрируют за границу в поисках работы. В 1951 году количество женщин среди эмигрантов составляло 1,4 процента, а в 1960 году — 23,4 процента!

Особенно трудно приходится женщинам колоний. В Северной Родезии, например, из 263 тысяч всех работающих только 5 тысяч женщин.

По данным Всемирной федерации профсоюзов, приведенным на сессии, число безработных женщин в США достигло 3 700 тысяч человек.

Советская делегация внесла предложения о том, чтобы МОТ подготовила специальные доклады к очередной сессии комиссий с конкретными материалами по всем странам мира о безработице среди женщин. Это даст возможность комиссиям по правам женщин более глубоко изучить эту проблему и выработать свои предложения.

На следующей, XVIII сессии мы предложили обсудить вопросы о борьбе с политической расизма и дискриминации, волнующие весь мир, об охране материнства и детства.

Судьбы детей вызывают большую тревогу. Смертность и заболеваемость детей очень велики, особенно в странах, еще продолжающих оставаться под колониальным гнетом.

* *

Осталось всего несколько дней до открытия в Москве Всемирного конгресса женщин. В нашу столицу уже съехались делегаты всех стран.

Встречаясь с женщинами в стенах ООН, мы всегда с радостью отмечали, с каким нетерпением они ждут конгресса, как много возлагают на него добрых надежд.

Советские женщины заслуженно гордятся тем, что наша Родина все больше и больше привлекает внимание всех прогрессивных сил мира, борющихся за справедливое решение всех социальных и экономических проблем, за мир на земле.

Наталия Николаевна Забелина (слева) наблюдает за работой молодой перстанищицы Нэди Комашини

Фото Г. Дубинского.

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

А. ЛЕВИНА

Женщина нажала клавиш — где-то там, в глубине машины, встрепетнулась дремавшая буква «Р» и, решительно подняв голову, стала первой в строй. Женщина еще раз прикоснулась к клавишам, и вторая буква, круглая, как солнце, — «О», — колесом подкатилась к первой. Еще и еще раз сильные женские пальцы коснулись клавиш линотипа, и буквы ринулись одна за другой. Вот построилось прочное «Д», а за ним высокое «И», плечистое «Н», размашистое «А», подошли и дружно стали плечом к плечу.

Несколько секунд назад они еще существовали каждая сама по себе и решительно ничего не обозначали — просто буквы, и все. Но вот рука женщины собрала их, они стали единым целым, и это целое наполнилось огромным, волнующим смыслом — «РОДИНА».

Закипел металл в словолитне, завертелась ротационные машины — и вот уже утром люди, идущие на работу, разворачивают у газетного киоска свежие номера газет, и это слово приходит к ним в утреннем марше буква первомайских призывов «Да здравствует наша социалистическая Родина!», в походном строю будней: «Больше металла — требует Родина!».

Вместе со всеми идет мимо киоска на работу женщина с ясным русским лицом, та самая, что вчера набрала эти строки. Обычно она не носит никаких наград и орденов. Но, когда она пришла на сессию Верховного Совета РСФСР, пожилой офицер долго при-

глядывался к ней: откуда у этой женщины, Героя Социалистического Труда, военный орден Красной Звезды? Ему хотелось узнать, где, на каком фронте была она. Но Забелина не была на фронте и все-таки воевала.

Мне рассказывал один бывший белорусский партизан:

— Было это в трудное время, осенью 1941 года. Немцы кричали, что Москва взята, а радиосвязи у нас не было. Самолет сбросил в наш отряд медикаменты, патроны, листовки. Я взял в руки листовку, еще даже до конца не прочел, кричу: «Ребята! Наша Москва: листовка-то в «Правде» отпечатана! Я до войны там на практике работал, шрифты знаю. «Правда» работает, жива!»

Да, «Правда» жила. В типографии почти не топили. Натянув на руки перчатки с отрезанными пальцами, Наташа Забелина вместе с другими женщинами набирала сводки Информбюро. А в сводке были уже Волоколамское, Можайское, Малоярославское направления...

Когда объявлялась тревога, Наташа не уходила в убежище, оставалась здесь же, в цехе. Ей казалось: не может на земле быть места безопаснее и дороже, чем этот набортный цех. Сюда пришла она девчонкой-физушицей, здесь, вон за тем линотипом, впервые увидела Сашу. «Друндин!» — сказал он ей и подал руку, блеснув сильными очками. Сюда, в этот цех, спешили они утром после свадьбы в первый раз вдвоем на работу, здесь ее встречали, когда она возвращалась в цех после рождения дочек,

и Саша счастливо улыбался в ответ на поздравления товарищей. Особенно любила она, когда они вместе уходили из типографии в ночь на 1 Мая, 7 ноября, закончив набирать праздничный номер. Для всех людей праздник начнется завтра — демонстрацией, парадом, знаменами, а для них он уже начался — пахнущими краской полосами с праздничными лозунгами, стихами. Так и жили они, торопясь, как бы забегая в завтрашний день.

И вот снова 7 ноября. 1941 год. Саша на фронте. Его могли освободить от армии — ведь у него такое плохое зрение, — но, когда Наташа попыталась сказать ему об этом, он ответил: «Ты понимаешь, как туго, если нужны и такие, как я? И если я не пойду, другой не пойдет, — кто тогда?»

В ночь на седьмое она работала особенно много, быстро — недаром считалась лучшей линогипотипкой «Правды». И только когда стала набирать статью Алексея Толстого, руки вдруг замедлили бег по клавишам. Буквы трудно, словно не из касс линогипотипа, а прямо из глубины ее сердца, сбегались в одно слово — «Родина».

«За эти месяцы тяжелой решающей борьбы мы все глубже познаем кровную связь с тобой, еще мучительнее любим тебя, родина...»

Обычно Наташа не ночевала дома: девочки жили у ее матери во Всехсвятском, одной было страшно в пустых комнатах, вечно шуршав черными макировочными шторами. Она забегала домой только иногда — взять вещи, убрать. Однажды соседка, которая работала в другом цехе, встретила ее в проходной. «Наташа, тебе письмо, третий день уж никак тебе не скажу. Зайди домой».

Письмо было из армии. Но почерк не конферте не Сашин, а чужой. Она вскрыла конверт. «...Ваш муж Александр Друндин...» Как во сне добралась она во Всехсвятское, к дочкам.

А через сутки Наташа снова была в типографии, опять за линогипотипом. «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы... поражение немецких войск...» — набирала Забелина. По 18 часов, не отдыхая, работала она на линогипотипе — листовки, сводки, «Правда», «Комсомольская правда». Так что все правильно: орден Красной Звезды — действительно за военные заслуги.

«Родина»... Много раз с тех пор набирала она из букв это слово. «Родина победила», «Родина строится»...

И настал день, когда среди имен лучших сынов и дочерей своей Родины она прочла здесь же, на верстальном столе, еще в мокрых гранках свое имя. Народ послал ее в Верховный Совет республики управлять государством.

Это и сессия Верховного Совета, где принимаются важные для всей страны решения, и депутатские приемы, когда люди приходят за помощью, — каждый со своей заботой, тревогой, предложением.

Управлять Родиной — разве это не начинается с одной, доверенной тебе человеческой судьбы?

Женщина с ребенком на руках. Нужны ясли — вот ее забота, вырваться бы на работу. Наталья Николаевна знает, сама через это прошла, троих вырастила — дочки уже взрослые, сын в ремес-

ленном. Все сделаем, что возможно.

Но бывает и иначе. Недовольная ушла женщина, приходящая жаловаться на соседей. «Конечно, — сказала она на прощание Забелиной, убеждавшей ее быть добрее к людям. — Вы не можете этого понять, вы, наверное, живете в отдельной квартире, еще бы, депутат, Герой!»

Наталья Николаевна смотрела ей вслед немного растерянно. Ну, как вот такой объяснить, что она все еще живет в той самой большой коммунальной квартире, где когда-то поселилась с Сашей, что у нее четверо соседей и не только никогда не бывает споров, но и двери комнат никогда не запираются.

В самом заветном ящике ее письменного стола, там, где хранится золотая звезда Героя, орден Ленина, грамоты и награды, я заметила какой-то белый, исчерченный чернилами плакатный лист. «Что это?» — спросила у Забелину. «Да это так, шутка друзей», — несколько смущилась Наталья Николаевна. Я развернула лист: это был предвыборный плакат с портретом и биографией Забелиной, какие в феврале были расклеены по всему району, но через весь этот плакат огромными чернильными, чуть расплывшимися буквами было выведено: «Ура! Целуем! Поздравляем, дорогой наш человек! Люся, Ваня».

Была когда-то в наборном на практике ученица ремесленного Люся М. Она училась у Забелиной не только наборному делу. Ясный свет души, всему знающей верную цену, покорила девушку. Люся привязалась к Забелиной и даже потом, когда ушла из цеха, часто приезжала к ней домой, рассказывала об учебе, о друзьях, о сердечных делах. Сюда, к Забелиной, пришла с человеком, которого полюбила. «Иван» — назвала она его. И за этим именем Забелина почувствовала сразу все: и любит и стесняется его, как ей кажется, слишком обыкновенного имени Иван, его неизысканных манер, его застенчивой армейской гимнастерки. И Наталья Николаевна наблюдала за парнем, слушала, приглядывалась. Он понравился ей цельностью натуры, прямоотой, а манеры, так же как и костюм, — дело наживное, приобретаемое. Много раз говорила она об этом с Люсей, учила ее видеть за внешним внутреннее. Люся и Иван поженились, и Наталья Николаевна с тех пор как бы шеф этой молодой, дружной, учащейся (оба учатся) семьи. Со всеми спорами — и ней, как к высшему арбитру. Когда ее избрали депутатом, Люся и Иван позвали Наталью Николаевну с сыном в гости. На стене их небольшой комнаты висел этот исписанный синими буквами плакат. И то, что теперь этот плакат хранится рядом с самыми дорогими ее сердцу наградами, наверно, не случайно.

Теперь Наталья Николаевна — старший мастер наборного цеха: после войны она окончила полиграфический техникум.

У старшего мастера в наборном не перечислять хлопот: надо распределить работу линогипотипам, следить, чтоб все газеты и журналы набирались вовремя, верстались четко... Наталья Николаевна идет между рядами линогипотипов, глядящая в склоненные затылки наборщиков. Может, никому они ничего и не скажут — просто затылки — и все. А она смо-

трит на них то с улыбкой, то озабоченно.

Косички, мальчишеские непокорные вихры — вот оно, новое пополнение наборного, да и не только эти практиканты-ремесленники, но и рабочие-наборщики — почти одна молодежь.

Набирают они быстро; а когда приносят оттиски, то одной буквы нет в слове, го другой. Эта пропущена при наборе, эта не отпечаталась, потому что строка отлилась непрочная, как принято говорить, пустая строка.

Как добиться, чтобы молодые так же, как и опытные наборщики, по звуку замечали, правильно ли упала матрица, кончиками пальцев ощущали неверное движение, ошибку? Для этого, наверное, есть только один путь — внимание и опыт.

На двери конторки наборного белеет объявление: «Сегодня в 16.00 заседание ПДПС. На повестке дня — качество нашей продукции. Докладчик — Забелина».

Она сидит в конторке над грудой гранок. Ей даже не надо читать поставленную сверху фамилию наборщика, чтобы определить, кто набирал. Вот чистая, без единой пометки — сразу ясно: гранка Молина. А вот испещренная оспинами корректорских значков. Ах, Веря! Опять надела столько ошибок — если перебивать каждую строчку, в которой есть ошибка, так, пожалуй, легче сделать новый набор...

Долго сидит Наталья Николаевна над этими гранками. Их-то она и возьмет сегодня с собой на заседание постоянно действующего производственного совещания, с этого и следует начать разговор о качестве.

Сама Забелина на линогипотипе уже не работает. Разве только изредка, когда нужно набрать срочно передовую в номер, ей говорят: «Наберите вы, Наталья Николаевна!» Но такие случаи бывают нечасто. А ее тянет к линогипотипу, тянет неудержимо. Как на старого друга, поглядывает она на свой бывший линогипотип, за которым теперь сидит Володя Зиновьев. Володя — крутолобый, вдумчивый, всего полгода, как окончил ремесленное, а уже неплохой наборщик, старается.

Наталья Николаевна часто подходит к его линогипотипу, подсказывает, помогает, учит. Но иногда она подходит к другим, чуть застенчивым выражением лица. «Володя, ты обедать? — спрашивает она. — Иди. Я закончу». Когда Володя возвращается из столовой, Забелина все еще сидит за его линогипотипом, руки ее летают по клавишам, она набирает оставленный Володей текст, а на лице выражение удовольствия, ну, прямо-таки счастья.

А Володя вспоминает: когда он еще учился в ремесленном и Забелиной в день 50-летия «Правды» присвоили звание Героя Социалистического Труда, они с ребятами спорили, за что дали ей это звание. Одни говорили: за то, что 30 лет работает в типографии, другие доказывали: за то, что лучшая наборщица — еще бы, 125 тысяч знаков за смену. И только теперь Володя понял, за что. Наверное, быть Героем Труда — это значит так любить свою работу, чтоб без нее не было тебе жизни, чтоб она стала твоей необходимостью, главной радостью.

Хорошо поработали сегодня девушки из бригады Валентины Гагановой! Рабочий день окончен, и расставаться не хочется. Слева направо: Валя Александрова, Катя Добромыслова, Толя Степанова, Гали Ефимова, Ира Цыганкова, Валентина Гаганова, Гали Никитина, Рая Благова, Вера Константинова.

Вячеслав КАРПОВ

«Городок наш ничего...»

Невеликий этот городок хорош в любую пору года. Зимой он как бы весь из хрусталя: звонкий от мороза, узорчатый, тихий и пушистый в пыльном снежном убранстве. Через центр города пролегло шоссе Москва — Ленинград. Автобусы-экспрессы, легковые машины, тяжелые грузовики стремительно летят мимо старинных пузатых домиков и новых высоких зданий. Летят, но вдруг притормозят. Это какой-нибудь иностранный турист щелкает аппаратом, выхватывая «экзотику»: дадовский лабаз, зажатый между новехонькими зданиями, сани-розвальни, малыша в валенках и тулупчике, весело шагающего в школу... Так зимой. А летом?

Летом взвешенный человек невольно ахает от восторга. Дивится тополиной да березовой красоте города, старинным мостам-виадукам, легко повисшим над каналами, прорезавшими городок. В погожий летний день над их гладью висит знойное марево. По каналам снуют ялики, рыбки драммо замечались у воды, тихо тренькает где-то мандолина.

Жители Вышнего Волочка часто сравнивают свой древний город с далекой и живописной Венецией.

Я люблю бывать в этом городе. Люблю его спокойных и трудолюбивых людей. Вот идет по улице пожилая женщина в платочке.

— Куда это вы спешит? Варвара Ивановна?

— На фабрику, проведать девчат, как они там...

Варвара Ивановна Базлова — давняя моя знакомая. Всю жизнь отдала тексти-

лю. Старый член партии, в прошлом опытная работница, она пользуется большим авторитетом в городе. Много раз избирали ее коммунисты прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината секретарем партийной организации. На комбинате ее любят и уважают, советы ее ценят.

— Ну, а как дела в бригаде Гагановой? — спрашиваю я.

— А вы пойдите, сами поглядите! Словами всего не передашь. Это вроде песни — их работа...

Песня

В низенькой светелке огонек горит,
Молодая пряха у окна сидит...

так поется в старинной песне. Но здесь, в огромных цехах прядильной фабрики, зазвела другая мелодия, слышались другие слова:

Подмосковный городок,
липы желтые в рядок.
Подпекает электричка
такую фабрику гудок.
Городок наш ничего...

Обеденный перерыв. Девчата, усевшись в кружок, напевают полубывшую им песенку.

Вдруг песенка обрывается, и я слышу:

— Вот что, девочки, завтра субботники. Не забудьте: сбор в девять утра у проходной.

— А лопаты брать?

— У кого есть. А вечером все в клуб.

И опять кто-то запекает: «Заправлены в планшеты космические карты...»

Я стою в сторонке. Глажу на девчат. Вот Галя Никитина, скромная, старе-

тельная, как будто ничем не отличается от других. Кончила школу ФЗО, училась в заводской школе с примечательным названием: «Коммунизм — практическая задача». Она не только сама работает отлично, но и других умеет вести за собой. Не случайно, уезжая по делам в Москву, Валентина Ивановна Гаганова оставляет вместо себя бригадиром именно ее, Галю.

Вот Рая Благова, ей едва исполнилось 20 лет, а она уже опытная работница, член Коммунистической партии. Девушки из бригады Героя Социалистического Труда Валентины Гагановой, все одинаковые, — ударницы коммунистического труда. Живут дружно, работают спорно и во всем помогают друг другу.

Мечтатели

Девчата из бригады Гагановой любят помечтать.

— Без мечты, без песни мир для нас тесен, — смеясь, говорят они.

— А о чем мечтаете вы?

— О разном, конечно. Вот я, например, мечтаю закончить полную среднюю школу...

Это говорит Валя Александрова.

— А потом?

— Потом опять учиться и работать. Так ведь интересно!

— А я мечтаю о том дне, когда на земле не будет угрозы войны, — говорит Рая Благова. Она серьезная девушка, начитанная. Вместе с Галиной Захаровой вступила в партию в канун XXII съезда КПСС.

— А еще о чем мечтаете?

А это Галия Захарова, она теперь бригадир.

Фото А. Шапиро.

— О хороших женихах, чтоб от нас не отставали...

Взрыв смеха. Озорные прибаутки. И опять серьезный, какой-то очень душевный разговор.

Валентина Гаганова сидит тут же, она равная среди своих славных девчат, хотя и постарше их.

— Чаще всего о будущем мы мечтаем,— тихо произносит бригадир.— Хорошо представить коммунизм не вообще, а вот так, у нас. Закрываешь глаза— и... видишь коммунистический город Вышний Волочек...

— Нарядные улицы, тишина в цехах,— вставляет кто-то.

— Но главное, девочки, не в том, что изменится облик нашего города,— продолжает Валентина,— не в том, что появится много нового и в технике, и в быту, и в условиях нашей работы. Главное в том, что изменятся сами люди. Говорят: будущее рождается сегодня. Это верно. Но я бы сказала, что оно рождалось и вчера и будет рождаться завтра. День за днем, все летящие нам навстречу годы мы будем создавать его, а оно, это будущее, точно так же — день за днем — будет создавать и переделывать нас.

...Часто возникают беседы о будущем. И не только в гагановской бригаде. Такие же мечты, такие же мысли можно услышать и в других бригадах. И в тех, которые носят звание коммунистических, и в тех, которые за это звание только еще борются.

Как-то Валентина Ивановна сказала мне:

— Удивляюсь тому, что в нас, советских рабочих, видят какую-то загадку... Ведь почти каждый из зарубежных гостей, с которыми я встречалась, спрашивает: что вас заставляет так работать? Откуда эта увлеченность? Этот порыв? Самопожертвование?

Конечно, самопожертвования никакого нет,— говорю я им.— Зато увлеченность и порыв есть.— И добавляю, смеясь:— Такие уж мы есть, такими родились. Ну и знаем еще, для чего живем на земле...

Да, людям, живущим в капиталистическом мире, очень трудно порой разо-

браться в том, что побуждает советских людей с увлечением работать, идти на более трудные участки, работая, учиться.

— Вот я смотрю на своих девчат и радуюсь,— рассказывала Гаганова,— сколько в них заботливости о нашем общем деле. Это уже моя четвертая бригада, которой за высокие производственные показатели присвоено звание бригады коммунистического труда. Девочки все добрые друг к другу, внимательные к старшим...

Однажды Валентина Ивановна показала мне письмо, написанное крупным, размашистым почерком.

— Это письмо храню, как самую дорогую память. Получила я его во время работы XXII съезда партии.

Летом 1961 года, месяца за два до съезда, Валентина Ивановна перешла в новую бригаду. Эта была четвертая по счету отставшая бригада, которую Гаганова решила вывести в передовые. От имени новых подружек ей написала Галия Захарова. Вот это письмо:

«Здравствуй, дорогая Валя! Мы очень рады за тебя, что ты удостоена такой большой чести — быть избранной в президиум съезда нашей великой партии.

Мы внимательно следим за работой съезда, читаем в бригаде и дома все речи. Поверишь ли, сердце наполняется гордостью за нашу любимую Родину. С твоим выступлением мы тоже познакомились. И какая же ты, Валя, молодец! Нам особенно понравилось то, что ты рассказала о работе бригады Жени Степановой, о Гале Пушкиной с «Красного Мая». Ведь эти девчата делают большое дело — работают не только для себя, но болеют за наше общее дело — построение коммунизма. На фабрике почин Жени поддерживали уже 18 бригад.

Валя, работаем мы по-прежнему хорошо, даем сверх плана пряжи до 45 килограммов. Девочки в твоё отсутствие как-то особенно подтянулись: не хотят подводить своего бригадира. Сейчас думаем, как лучше поддержать почин Жени Степановой. Так-то мы согласны поддерживать это начинание, но обязательно еще не оформили, ждем твоего приезда.

Валя, мне и Рае Благовой уже выдали карточки кандидатов в члены КПСС. Знаешь, мы так рады! Вручили нам их в торжественной обстановке. Нас поздравляли старые коммунисты. Я дала себе клятву, что партийный билет я с честью пронесу по всей своей жизни. Этот день останется в памяти еще и потому, что он совпал с моим двадцатилетием.

Валя, мы бы очень хотели, чтобы ты, если это будет удобно, передала наш привет всему президиуму съезда, особенно дорогому Никите Сергеевичу. И мечтаем мы с девочками о том, чтобы ты пригласила его в наш Волочек. Возможно, он и не найдет времени к нам приехать, но пусть знает, что мы от всего сердца приглашаем его.

Привет от девочек, от Анатолия Васильевича Смирнова, Веры Яковлевны Ромкиной, от Константина Михайловича Моисеева, от Александры Дмитриевны Романовой, от Жени Степановой и от всех остальных.

Галия.

А сегодня Галия Захарова уже сама возглавляет передовую бригаду.

Не счесть добрых дел

Вышневолоцкому хлопчатобумажному комбинату осенью этого года исполнится 106 лет. Бывшая вотчина фабрикантов Рябушинских и Прохоровых, он за годы Советской власти вырос в крупное, оснащенное новой техникой современное предприятие.

Многотысячный коллектив комбината знает, хранит и развивает славные традиции вышневолоцкого пролетариата. «Издавна,— говорили мне старые ткачи,— у нас повелось так: взаимовыручка — первое дело. Товарищество, дружба — без этого в рабочем деле нельзя. А в нынешнее время и подавно!»

По инициативе парткома родился на комбинате совет по руководству бригадами и ударниками коммунистического труда, или, как его называют по-другому, совет добрых дел.

Решено было, что совет займется расширением всех хороших начинаний, которые рождаются в коммунистических бригадах. Решили также, что каждая такая бригада будет регулярно вести «Книгу полезных дел» — летопись своей жизни и труда.

Я листаю одну из книг. На каждой странице — коротенькая запись: о том, как всей бригадой помогли заболевшей подруге вскопать огород; как взяли шефство над ребятами из соседнего детдома; об участии в народной дружине; о шумных и веселых свадьбах; об учебе... Много записей. Слова бесхитростные и скупые, за ними угадывается стремление умолчать о личном участии в добром деле. Но добрые-то дела на виду, их не скрыть.

— Может, мелочь это на первый взгляд,— говорит Валентина Ивановна.— Может, так оно уже давно где-нибудь заведено. Только я это мелочью не считаю. Что-то новое, душевное вошло в нашу жизнь, в отношения между людьми. Это пусть маленькая, но еще одна ступенька к тем братским отношениям в труде и жизни, которые будут торжествовать при коммунизме.

...Уже в Москве, читая выступление Никиты Сергеевича Хрущева перед участниками Всесоюзного совещания по промышленности и строительству, я задержал свое внимание на таких словах: «Славная советская молодежь, возвращенная и воспитанная на героических традициях дедов и отцов, вместе с ними, в одном строю идет дорогой коммунизма».

Эти слова как нельзя лучше характеризуют и вышневолоцких текстильщиц — людей, устремленных в будущее.

НА НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Девушки и женщины, которых вы видите на соседней странице, — участницы второго Всесоюзного совещания передовиков движения за коммунистический труд, люди самых различных профессий: бригадир монтажниц Каунасского радиозавода, мастер Душанбинского текстильного комбината, водитель трамвая из Волгограда, научный сотрудник одного из иркутских научно-исследовательских институтов... Они, как и десятки миллионов советских людей, участников движения за коммунистический труд, стараются уже сегодня жить и трудиться по-коммунистически и этим приближают будущее.

Фото Н. Маторина.

НЕ ПРОСТИШЬ СЕБЕ

Инна ВАРЛАМОВА

Рассказ

1

Кира вышла из актового зала с горящими щеками, приложила к ним ладони и остановилась. Ей все хлопало, что-то говорили, она ничего не понимала. Никому ничего не отвечая и улыбаясь, она направилась к лестнице. Каблочки ее туфель звонко стучали по паркету.

— Кира, вы забыли сумку! — крикнул ей кто-то сзади.

— Нет, — ответила она.

— Разве это не ваша сумка?

— Да, — сказала она.

Кто-то засмеялся и сунул ей в руки сумку. И она подумала: «С ума сойти, тут же все документы!»

— Спасибо, — сказала Кира, но рядом уже никого не было.

Всю весну Кира не выходила на улицу — сидела в институте за чертёжной доской. Сидела, пока ночь не заглянет в окно, не подмигнет ей отраженной в стекле лампой. Пока не закружится голова. Кира оглянется — никого из студентов уже нет. Все доски затянута калькой, тихо, лишь где-то в глубине коридора, за дверью, слышно громыканье ведра да урчанье воды в раковине: нянька выливает воду...

Кира не повезло с дипломной работой. Она выбрала себе темой диплома курзал в Севастополе. Руководил ею старый профессор, известный архитектор, великолепно знающий и любящий свое дело. Он ненавидел всяческое невежество, отсутствие вкуса и говаривал, что такт в архитектуре — это все. Нельзя сказать, чтобы он не признавал за архитекторами права поиска новых путей, но все, что за последнее

время дала так называемая современная архитектура, казалось ему настолько ниже созданного великими мастерами, что он сердился, страдал и учил студентов как огня бояться дешевых эффектов, старался привить им прежде всего чувство прекрасного, способность наслаждаться прекрасным.

Три месяца Кира старательно добивалась того, чтобы ее проект не выходил за рамки знакомого и любимого чуть ли не с детства строгого классического стиля. Она твердила себе: «Архитектура — это организованное пространство». Она искала пропорции, рисовала на ватмане голубое южное небо, мраморные белые колонны, широкие ступени... Спокойная эллинская мудрость задуманного и выполняемого проекта вызвала в ней тот высокий настрой души, который она так любила в себе и который, к ее удивлению, улетучивался мгновенно, лишь только жизнь, самое обыкновенное проявление человеческой жизни врывается к ней, хотя бы из коридора.

«Нянька моет пол... Кто сегодня дежурит? Марь Федоровна. Интересно, бывала ли она когда-нибудь в Крыму?»

Кира окончательно поняла, что ошиблась, когда до защиты оставалось всего несколько недель. Это было ужасно. Однако Кира теперь уже не в силах была притворяться и сказала обо всем профессору. Он огорчился, пожевал губами, пораскачивался, схватившись за лацканы пиджака, с пятки на носок и наконец вымолил:

— Ну что ж, Губина. В таком деле принуждать нельзя. Делайте, как повелевает вам сердце...

— Профессор... Не могу. Я хотела — и не могу. Я честно пыталась, вы видели... Довела почти до конца — и не могу... Я не сумею это защитить. Не от оппонентов. От самой себя...

— Хорошо, — сказал профессор. — Я помогу вам, как умею. А успеете?

— День и ночь! День и ночь буду сидеть!

И она сидела, вернее, стояла у доски и переделывала все заново. Решение пришло внезапно, она сама не знала, что созрела для того, чтобы сказать свое слово... Курзал в Севастополе!.. В героическом городе надо построить на берегу моря здание, в котором бы можно было и послушать концерт Баха и просто потанцевать. Здание, в которое могла бы свободно, не ощущая стеснительности, войти немолодая женщина, уборщица Марь Федоровна. И, например, Костя, отец которого защищал Севастополь и погиб за этот город. Кира приняла все проверять через Костю. Если Костя понравится, если Костя не будет испытывать неудобства, значит, в решении нет фальши. Нет на свете человека, который бы так, как Костя, был чуток ко всякой фальши... О, как ей повезло, что на ее пути попался этот человек!

Пусть Марь Федоровна и Костя придут в этот курзал, как в свой дом. И не забыть про море, нужно, чтобы оно дышало и плескалось прямо за окнами. И чтобы можно было выйти на балкон... или на ротонду... а еще лучше — на крышу и посидеть в шезлонге, закрыв глаза, под теплым, мохнатым от звезд небом. И чтобы здание было легким, розовым, из армянского туфа... нет, лучше железобетон, стекло, много стекла. И стройность форм и строгость пропорций, потому что тут старки прав: архитектура — прежде всего целесообразно организованное пространство. А роскоши не надо, роскошь оскорбляет. Полезность — да, красота — да, а роскошь — это идейное оскудение, духовное убожество...

Примерно это она и говорила на защите диплома: «Греки были мудры и исходили из своих условий... Почему же мы должны исходить из греков, или из ампира, или черт знает из чего, а не из своих условий?» Ну, конечно, Кира прибегала к научному языку, к специальным терминам.

Она разволновалась, голос стал так звенеть, что она сама услышала себя как бы со стороны и сразу перешла к рас-

Портреты и люди

Учительница из села Нельмин Нос

Молодая женщина, портрет которой вы видите на соседней цветной вкладке, ненецкая учительница Федора Ивановича Лантендар.

Я встретился с ней в школе селения с забавным названием «Нельмин Нос». Привели меня туда поиски натуры. Давно я мечтал создать образ женщины — представительницы народов Севера.

И вот встреча с молоденькой учительницей. Меня привлекло ее живое, доброе и одновременно волновое лицо, умные, внимательные глаза, выразительные руки. Пленило и то, что Федора Ивановна все время была окружена детьми, которые очень тянулись к ней, старались не пропустить ни одного ее слова.

Я думал об обобщенном женском образе и не ставил перед собой задачу сохранить полное портретное сходство с натурой. Но когда работа моя была выставлена, то все сразу узнали Федору Ивановну.

Судьба Федоры Ивановны Лантендар, дочери потомственных оленеводов, типичная для ненецкой девушки, выросшей и воспитанной в советское время. После што-

лы Федора Лантендар поступила в Нарьянмарское педагогическое училище и, успешно закончив его, вернулась в родное село. Несколько лет заведовала там начальной школой и преподавала. Учительница знавала сердца не только своих юных воспитанников, их родителей, но и всех жителей села.

Федора Ивановна до сих пор работает в селе Нельмин Нос и, как я узнал недавно, ее как лучшего педагога направили в Ленинград на годичные курсы повышения квалификации при педагогическом институте имени Герцена.

Моя картина «Портрет учительницы Ф. И. Лантендар» выставлялась в Москве, в Манеже, во время Всесоюзной художественной выставки 1981 года, а также в Германской Демократической Республике и получила неплохие отзывы.

Вуду рад, если картина произведет хорошее впечатление и на тех читателей журнала «Работница», которые увидят ее впервые.

Д. СВЕШНИКОВ,
член-корреспондент Академии художеств СССР,
г. Архангельск.

четам. Тут к ней придраться было невозможно: все было десятик раз проверено...

— Где ваш номерок? — спрашивала гардеробщица и, кажется, задавала этот вопрос несколько раз подряд, прежде чем Кира вдруг поняла, что стоит у вешалки.

Она стала рыться в сумке, номерок найти было невозможно, она выпрянула все на барьер — какие-то бумажки, паспорт, пудреницу, зеркало, деньги, комсомольский билет, — аккуратно все перебрала и тогда вспомнила, что пришла без пальто и ничего на вешалку не сдавала.

Кира пошла к двери и хотела уже открыть ее, но дверь распахнулась, и перед ней оказался Костя — все-таки отпросился с работы, приехал.

— Ну как!

— Защитила, конечно, — ответила Кира, на свой особый манер чуть дернула подбородком и старательно записала между туго натянутыми на голове волосами падающую из лоб прядку.

— О! — сказал Костя, иронически вскинув бровь. Он всегда издевался над ней, когда она принимала этот важный, независимый вид: он-то знал, что под ним часто прятались и неуверенность и волнение. И Кира, почувствовав это, засмеялась, взяла Костю под руку, потащила на улицу и стала рассказывать все по порядку, с самого начала. И что говорила она, и что оппоненты, и какие были вопросы. Даже про алло-дисменты вспоминала.

— Это надо отметить, — наконец сказал Костя. — Хотя бы выпить коктейль.

— Лезть на табуретки? — испуганно спросила Кира.

— А это что, противно твоим убеждениям?

— Нет, но глупо ужасно. Сидеть на этих высокых табуретках? Буржуазно. И как-то неприлично, напоказ...

— А ради шутки? Просто чтоб подурить?

— Я не умею дурить, — сказала Кира.

Костя рассмеялся. И Кира, взглянув на его бледное, тонкое лицо с высоким лбом и золотистыми и тоже словно бледными волосами, поняла, что любит его страшно, такого, как он есть, с этой его иронией, и бледностью, и умом, и загадочной его работой, а он любит ее вместе с ее прядкой, и независимым дерганьем подбородка, и важничаньем, и сомнениями, и таким несовершенным пуританством...

— А что слышно об аспирантуре? — спросил Костя.

Кира знала, что ее могут оставить в аспирантуре, но уже много дней терзалась, считая, что оставаться в аспирантуре было бы ошибкой. Правда, она отодвигала от себя эту мысль, потому что не знала, как тогда быть с Костей, и все же мысль четкая, как формула, возвращалась и сигнализала ей: нельзя, нельзя! Поступить в аспирантуру сразу после пяти лет учения в институте бессмысленно. Сначала надо испробовать себя, повоевать в жизни. Но можно ли еще откладывать свадьбу?

Как она иногда ощущала свою... не то чтобы старость, а какую-то немолодость, что ли! Она несла ее на себе, как бремя. Фигура, лицо — все было юным, пусть не красивым, но строгим, а строгость — это ведь свойство юности. Но то, что она почти не помнила родителей, которые погибли в войну, тяготило ее одиночеством, неприкаянностью, а эти чувства казались ей чувствами немолодого, утомленного человека. Она сердилась на себя и подавляла в себе желание счастья и материнства, ей казалось, что все это недостойно настоящего, уважающего себя человека. Не самое счастье, не самое материнство, а томление по ним.

Кира молчала. Костя поглядывал на нее сбоку. Они вышли на Трубную площадь. Звенела трамвай с горы.

— Что будем делать? — спросил Костя.

— Вообще или в частности?

— Вообще.

— Надо обсудить, — уклончиво сказала Кира.

— Ты хочешь уехать?

Как он научился ее понимать!

— Да, — сказала она.

— Ты можешь работать в Москве, — заметил Костя.

— Я хочу самостоятельности, — ответила она. — Здешь мне ее не дадут. Засунут в чью-нибудь мастерскую... К какой-нибудь знаменитости. Это гибель.

— А все-таки как с аспирантурой?

— Боюсь засохнуть, — сказала Кира, — понимаешь?

— Ну, ты преувеличиваешь...

Кира молчала виновато. Они пошли по бульвару. День стоял пасмурный, идти было легко. Дорожка, посыпанная толченым кирпичом, была приятно твердой. Чуть шелестела листва.

— Что будем делать? — еще раз спросил Костя. — Во-первых, надо пожениться, по-моему... А там посмотрим.

— Ну, знаешь!.. Я не люблю, когда все идет по воле воли, я люблю определенность, ясность! Не люблю, когда моя судьба начинает зависеть от внешних обстоятельств!

— Наша свадьба — внешние обстоятельства? — тихо спросил Костя.

Кира вздрогнула, услышав этот тихий голос; Костя смотрел на нее мягко и горько.

— Ох, опять эта рассудочность!.. Хорошо, что это я. И что я люблю тебя. И все пойму...

— Мама дома? — быстро спросила Кира, и по тому, как он легко и сильно покраснел, как потемнели и наполнились синим блеском глаза, она поняла, что обрадовала его и он ждал и надеялся, что она задаст этот вопрос.

— Да. А ты хочешь заехать к нам? Она будет рада.

Они побежали к телефонной будке, Кира набрала номер.

— Анна Алексеевна! Это Кира говорит, здравствуйте. Да, спасибо. Да, все в порядке... Он здесь, рядом. Чай? Хорошо, мы приедем. Ничего не нужно купить? Есть, себя привести!

Размахивая руками, Костя кинулся и мчащемуся мимо такси и остановил его. Открыл дверцу, пропустил Киру.

— Роскошествуешь? — спросила Кира.

— Такой день! Хорошая моя, героиня моя, я тебя поздравляю!

— Костя, тише, он услышит.

— Товарищ шофер, — сказал Костя громко, — поздравьте нас, мы скоро поженемся. А невеста — да, да! — эта самая, что сидит здесь и косится на нас злыми глазами, сегодня как раз защитила диплом... С ветерком нас, будьте любезны.

Кира откинулась на спинку сиденья. А что, на самом-то деле, можно и ей наконец расслабить мышцы, успокоиться.

— Можно, — сказал Костя, взглянув на нее. — Можно, девочка, все можно сегодня.

2

У Кости и его матери была комнатка в огромной коммунальной квартире, где на стенах в коридоре висели велосипеды, таза, стояли облупленные шкафы с разным ненужным хламом. Но сама комнатка была по-старинному уютной. Оклеенная темно-синими с золотом, благородно-кабинетными обоями, уставленная мягкой мебелью в чехлах и легкими переносными столиками с изогнутыми ножками, она как-то очень подходила ко всему старинноинтеллигентскому укладу этой семьи. Потому что здесь была семья и у нее был свой уклад, хотя она и состояла всего из двух человек.

Костя много работал и редко сидел по вечерам дома, но он был нежным, послушным сыном. Анна Алексеевна любила, когда к нему приходили товарищи, а в Кире она души не чаяла, хотя слегка и побаивалась ее.

Сегодня они примчались на такси, оба раздумывавшиеся, веселые, какие-то такие, что Анна Алексеевна подумалось: «Кажется, пора сыграть свадьбу». Кира плюхнулась на диван и стала подвывать, как кутинок, а Костя принялся вытанцовывать между секретером и козеткой ритуальную пляску папуасов. Анна Алексеевна смотрела на них, улыбаясь.

...А через неделю была свадьба. Анна Алексеевна вытащила из шифоньера какой-то белый парчовый капот, который ей когда-то подарили и который она и не думала носить, и под настроение за один вечер сшила Кире платье, туго обхватывавшее ее тонкую сутулую фигурку. Платье пахло старинными духами, нафталином и еще тем особенным, невыветриваемым запахом, каким была пропитана каждая подушечка в этом доме.

Руки Анны Алексеевны чуть дрожали, когда она застегивала на спине у Кире «молинию». И обаям казалось, что они — мать и дочь, а не свекровь и невестка, родные-родные, самые близкие во всем мире люди.

— Сюда бы мантильку, отороченную собольим мехом, — вдруг мечтательно сказала Анна Алексеевна.

Сейчас она уже не помнила свою трудную молодость, и побег из дома, от состоятельных родителей, которые не разделяли ее убеждений, очереди на бирже, и мозоли на ногах от грубой обуви, и пожар в барке на строительстве Комсомольска, и радость от чудесной новой кофточке, перешитой из зефировой мужниной рубашки... Эту серьезную бледную девочку с морщинками у глаз ей хотелось наряжать и в меха и в туфельки на стеклянном каблучке... Она лопила себя на том, что мысленно примеривает ей какие-то серьги, медальоны... Чуть, конечно. Никому, а главное, Кире, это не нужно. Вот и сейчас, услышав про «мантильку», она расхохоталась до слез. А платье ей очень шло, она стояла в нем